

Ирэн Ефимовна приняла меня в бывшем кабинете мужа. До сих пор он - «Федоровский». Здесь все осталось, как при жизни Святослава Николаевича. Только раньше в этих стенах, помню, постоянно стояли толпы ожидающих. Сейчас - музейная тишина.

В кабинете очень много подарков и сувениров - от друзей и благодарных пациентов. Много портретов Святослава Николаевича. Его личные вещи: гири, шахматы... Все осталось на своих местах. Даже очки Федорова лежат на столе.

- В последнее время они ему были не нужны, - сказала Ирэн. - Сделал операцию и проверил на себе, а потом и на мне метод лечения дальнозоркости с помощью лазера.

- Известно, что Святослав Николаевич именно вам сказал: «Если вдруг со мной что случится...? Он предчувствовал свою гибель?»

- Когда на Славу в последние годы начались страшные гонения, обрушилось море грязи, он прямо сказал своим друзьям: «Похоже, меня заказали».

- Считаете, его смерть не несчастный случай?

- Вертолет падал с небольшой высоты. Почему же так истерзаны оказались два тела - Федорова и его помощника? Мне сказали, что так бывает только от взрыва пластиковой бомбы.

Спустя несколько дней после этой нашей встречи Ирэн Ефимовна расскажет мне, что нашлись свидетели, которые видели: к вертолету в Тамбове подошла женщина с коробкой торта и протянула ее Федорову в подарок. Тот не хотел брать, потому что вертолет был загружен уже под завязку. Но женщина очень просила, и тогда помощник Святослава Николаевича Саша Спиридонов поставил коробку себе на колени, и они полетели в Москву.

- Истинную причину катастрофы так и не установили, хотя проведено около десяти экспертиз. В вертолете не нашли ни кусочка торта. Значит, в подаренной коробке его и в помине не было. А что было, если Сашу разорвало в клочья? А у сидевшего рядом Федорова оторвало голову. Их обоих хоронили в закрытых гробах. Тела же летчиков внешне оказались неповрежденными. Не похоже все это на несчастный случай.

- Но кому Федоров так мешал?

- В офтальмологическом мире ему всегда завидовали. У него ведь в институте было сделано больше трех миллионов операций, среди которых немало уникальных! Но чаще замечались осложнения у некоторых пациентов. Ему все давалось огромным трудом. Сначала в Чебоксарах, где он начал пробовать свои идеи искусственного хрусталика. Потом в Архангельске, куда переехал из Чебоксар. Потом в Москве, где выбивал средства на свой институт, а вернее научно-лечебный комплекс.

Вся «федоровская система» основана на равенстве по труду: люди получают деньги в прямой зависимости от доли своего участия в общей работе. Он хотел, чтобы и в стране переняли его опыт. Стал депутатом. Создал свою партию. Четыре года был в Думе, где занимался экономическими проектами, политическими делами. И слишком доверился своим ученикам, ослабил вожжи руководства в институте.

Три месяца тянулась травля, которую организовали против него и института по всем классическим канонам - с подметными письмами, заказными статьями, визитами представителей силовых ведомств и разнообразных комиссий, в том числе из Минздрава. Федоров понял, что атака пошла всерьез. И ведут ее не сверху, а изнутри института, из-за его же спины. Внешне держался как всегда спокойно. Но однажды я увидела его глаза. Они были потухшими. Никогда его таким не видела. Хотя он за свои 72 года нахлебался в досталь членовеческой подлости и приобрел какой-то иммунитет. Но для него страшнее всего оказалось предательство учеников. Любые мои вопросы он сразу обрывал: «Не хочу об этом говорить».

В институте тоже все молчали. Никто из сотрудников не пришел к нему, не сказал: «Что же происходит? Давайте мы вместе пойдем к облученным властью людям, расскажем...» Он сам разоблачался, кто под него копал. И со свойственной ему прямотой на собрании перед всем коллективом произнес имя человека, которого до этого уличил в крупных финансовых махинациях.

В институте пошло брожение, пересуды. Комиссия за комиссией, проверка за проверкой. Пошли «разоблачительные» статьи в газетах. Но Слава панику не поднимал: «Работают ревизоры - и пусть». Он-то знал, что себе лично, в свой карман не взял ничего и никогда.

А то, что какие-то деньги перераспределялись на строительство Славина, на

Перед главным входом в здание МНТК «Микрохирургия глаза» висит мемориальная доска с барельефом академика Святослава Федорова: облаченный в операционный халат, удивительно похожий на костюм летчика, хирург словно застыл в порывистом движении.

- Он всю жизнь мечтал о небе и в небо ушел навсегда, - сказала мне его вдова Ирэн Ефимовна.

Ирэн ФЕДОРОВА:

ОН ХОТЕЛ ПОДНЯТЬ ЛЮДЕЙ С КОЛЕН

инструменты, на оборудование, - это его мало волновало, все равно, говорил, людям пошло. Ведь все федоровские начинания - и клиники, и сам МНТК - всегда росли и развивались вопреки сметам и правилам, начиная со знаменитой «ромашки» - хирургического конвейера. *(Забегая вперед, сообщу: после гибели Святослава Николаевича по приказу нового директора знаменитый конвейер разобрали и вывезли на помойку! - Е.В.)*

Было ясно, что ревизия - не цель, а средство. Надо было «утопить» Федорова и убрать. Тихо, если согласится уйти сам. Либо с треском, с позором, если заартачится. И однажды Слава вдруг сказал мне: «Знаешь, Ирша, уйду я из института к чертовой матери! Надоело быть, как папа Карло, - всех тянуть, всех тормозить, чему-то учить, заставлять...»

- А бороться он не пытался?

- Он никогда ни с кем не ругался, не судился, не писал никаких опровержений. Когда его выгнали из Чебоксар - сел и уехал. Когда его предала вторая жена, которую он любил, - собрал портфель и ушел к другу. Для него важнее делать дело, а не рыться в грязи. Главное, чтоб корабль шел... Но у Славы всегда находились защитники. Журналист Анатолий Аграновский фактически дал ему путевку в жизнь своей статьей в «Известиях»: «Открытие доктора Федорова».

И на этот раз ему помогли настоящие друзья. Они составили на имя президента Путина письмо, в котором попросили вмешаться и прекратить недостойную травлю прославленного врача, изобретателя, ученого, Человека. К Путину пошел Евгений Примаков и рассказал ему о сложившейся ситуации во всех подробностях. Спустя пару дней был подписан приказ министра здравоохранения о назначении С.Н. Федорова генеральным директором ГУ МНТК «Микрохирургия глаза». В институте сразу же состоялись выборы, и сияющий Слава сказал мне: «Ура, 78 процентов наши!»

Разговор происходил в среду. В четверг Федоров улетел в Тамбов. В пятницу вертолет упал... «Несчастный случай»... Прямо обвинить кого-то в его смерти невозможно. Славу уже не вернуть. А тех, кто это сделал, накажет сама жизнь.

- Когда-то здесь, в кабинете, работали телемониторы. Они показывали, что делается во всех операционных институтах.

- Мониторы до сих пор действуют. У Славы был свой операционный день - среда. В остальные дни контролировал работу учеников по мониторам. Он всегда делал несколько дел сразу. И все успевал.

- Как вы стали его женой?

- Это длинная история. Я родилась и выросла в Ташкенте. Туда в 1917 году направили моего деда учить людей грамоте. А потом расстреляли как врага народа. Окончила школу, поступила в медицинский институт. В студенчестве пела на эстраде, работа-

ла на телевидении. Вышла замуж, родила девочек-двойняшек, потом развелась с мужем и уехала в Подмосковье. Работала врачом-гинекологом в Красногорской больнице, когда однажды позвонила из Ташкента тетя. «Теряю зрение, а у вас там, в столице, светило появилось. Вот бы попасть к нему!»

О Федорове уже и в Средней Азии прослышали, а я о нем и в Подмосковье ничего не знала. Оказалось, у него есть отделение в 81-й московской больнице. Долго добивалась приема.

А когда вошла в кабинет и увидела его... Слово стрелой пронзило. Вроде бы взрослая, умудренная жизнью 30-летняя женщина, а вторилась как девчонка!

Тетушку прооперировали, я часто ее навещала. И каждый раз Федоров приглашал меня к себе в кабинет, в операционную, рассказывал об институте, увлекал своей работой. Хотя мне больше нравилась своя. Но я чувствовала себя такой счастливой рядом с этим волевым, сильным мужчиной, что готова была ради него и в микроскоп смотреть, и целые лекции про искусственный хрусталик слушать...

Тетю выписывают. Я купила бутылку коньяка, цветы, зашла к хирургу, чтобы поблагодарить и проститься. Руки-ноги тряслись, голос дрожал. А он: «Выпейте этот коньяк со своими друзьями!»

«Да нет у меня никаких друзей!» - выпалила в сердцах. Он вдруг внимательно на меня посмотрел, прямо прожег взглядом. И спросил: «Я смогу вас найти?»

Родные и знакомые уговаривали его не жениться на молодой, да еще с двумя детьми. Я от переживаний похудела на 22 килограмма. Мама, увидев меня в таком трансе, даже по столу стукнула: «Да что-бы женщины в нашей семье так убивались из-за мужика!»

Скоро мама умерла. Ненужными вдруг стали переживания и несчастная любовь... Оставила Федорову прощальную записку. Но Святослав Николаевич сказал: «Мне никто, слышишь, никто, кроме тебя, больше не нужен!» И с этого дня, с 10 мая 1978 года, у нас не было больше никаких выяснений, обид, притирки характеров... И так всю нашу жизнь.

- Но ведь так не бывает.

- Меня в нем никогда ничто не раздражало. И привычек вредных вроде бы не было. Это у меня дурацкая привычка постоянно ему напоминать, едва он переступил порог дома: «Мой руки!»

Мне он часто казался ребенком, хотя я была на пятнадцать лет младше. Он жил в бешеном ритме, с юношеским задором, жадной познания всего нового, неизданного. Я так боялась за него, чтобы он не надорвался, не заболел. Оберегала и опекала порой, как мать.

Не обижалась на мелкие выпады мужа. «Не будешь мыть руки, - отечала ему с улыбочкой, - я тебя чаем напою!»

- Вашу бы мудрость нам всем...

- Да не мудрость это! Я обожала его, понимаю? Я в нем растворилась. Ценил ли он это? Он мне красивых слов не говорил. Он их писал - на листках блокнота, на рецептурных бланках, салфетках... Вдруг появились у него какие-то добрые и нежные слова для меня, и, наверное, чтоб их не забыть, записывал. Эти любовные послания мужа я все сохранила. Вот одно из них: «Иришечка! Летят наши совместные дни, наше с тобой время! Я счастлив, что мы с тобой в одной точке огромного пространства Вселенной! Жаль только, слишком быстро летит время, хочется заорать: «Остановись, нам хорошо!» Пусть наш совместный полет во времени и пространстве будет максимально долгим! Желаю тебе уверенности и ощущения счастья! Целую. Твой Слава Ф.»

- Вы его к работе не ревновали?

- Мне было достаточно того внимания, которое он уделял мне. Требовала бы больше - мешала бы ему. А мне хотелось ему помогать. Все время выполняла какие-нибудь его задания - то куда-то звонила, то что-то выясняла... Научилась многим премудростям офтальмологии, например, завязывать под микроскопом тончайшие узелки. Оставив работу врача-гинеколога, перешла в медсестры и стала ассистировать своему великому мужу. Очень часто за границей оперировали вдвоем. Он только бровью поведет, а я уже знаю, какой инструмент подать...

- Почему все-таки после его смерти многие из его коллег и даже учеников резко изменили в отношении вас свой тон, стали откровенно хамить?

- Мне тогда Наташа Солженицына сказала в утешение: «Не переживай, Ирочка! Они просто не могут себе простить своего добровольного унижения». Наверное, это так.

Был момент совершенно отчаянный, когда печатали кабинет Федорова - со всеми его вещами, в том числе с портретами его родителей. Мне же было велено убирать вон. Но, слава богу, в итоге вроде бы все обошлось. Порядочных людей оказалось больше.

У Святослава Федорова в жизни всегда было немало настоящих друзей. Однажды, когда завис вопрос о строительстве «Федоровского комплекса», к нам в страну приехал президент Сирии Хафез Асад и попросил о встрече со знаменитым офтальмологом. О нем уже весь мир знал.

Святослав Николаевич так увлек своими планами Асада, что президент Сирии не преминул поделиться восторженными впечатлениями с главой нашего правительства, пообещав хирургу свою помощь. И судьба института была решена. С тех пор Федоров называл Асада своим крестным отцом. А в музее хранится его подарок - инкрустированный столик для шахмат.

Играть, кстати, в шахматы Слава научился сам. Впрочем, и мною другому тоже. Представьте себе, прочитал инст-

рукцию по вождению - сел и поехал. Во-дил прекрасно и мотоцикл, и машину. А как плавал! Как скакал верхом! И тоже научился этому самостоятельно. Даже английский выучил по учебнику для детского сада. Правда, говорил с жутким акцентом, но очень уверенно.

- Когда он баллотировался в президенты страны, все запомнили его слова: «Жена мне сказала: на хрена тебе это надо?» Вы так и сказали? А зачем он вообще пошел в политику?

- Он говорил: «Я хочу, чтобы люди стали хозяевами своего труда, а значит, и своей страны». Хотел поднять их с колен, чтобы они жили более-менее нормально, не были рабами, и так же, как он, ничего не боялись и не просили.

- А верующим он был?

- Он верил, что был когда-то Христос, замечательный целитель, которого предали люди. Но верил в космический разум. Хотя в храмах бывать любил. Восхищался талантом тех, кто их построил. Выделил деньги на реставрацию церкви, что стоит рядом с нашим дачным поселком. Теперь он там рядом и похоронен. На его могиле всегда цветы. Помнят люди.

- Не хочу возвращать вас в этот трагический день...

- Этот день мне никогда не забыть. Я всегда очень переживала, когда он улетал. И даже однажды сказала ему: «Слава, хватит летать, не гневи Бога, он тебя уже однажды предупредил, когда ты ноги лишился».

Ведь Слава тогда готовился стать летчиком. И давно бы погиб. Потому что всегда был очень рискованным человеком. Исповедовал заповедь эка: «Не верь, не бойся, не проси». В начале нашей жизни сказал и мне: «Иди за мной и ничего не бойся!» И когда впервые решил прокатиться на вертолете, тоже сказал: «Не бойся!» А я тогда и подумала: «Мы погибнем на нем». Но погубил один он. Меня Бог зачем-то оставил.

- ...продолжать дело мужа...

- Вместе с его друзьями мы создали Фонд содействия развитию передовых медицинских технологий имени Федорова. Готовлю к изданию его бесценный архив, его завещание потомкам. К этому подтолкнул Евгений Примаков, один из самых преданных друзей Федорова.

Издала две книги, посвященные мужу. Одну из них, «Долгое эхо любви», написала сама. Другую - друзья, это сборник воспоминаний о Федорове.

Знаете, когда мне становится особенно плохо, я чувствую, как Слава мне помогает. Был момент, когда новый директор института, Христо Тахчиди, стал выживать меня из института. Я металась, не зная, куда деться, давление подскочило под 200, вдруг позвонила жена Аграновского. «Я перебираю бумаги Толи и нашла письма Славы: «Всегда можно предсказать ближайшие события, увидеть конечный результат, правильно построить план своего сражения. Даже в случае поражения не сдохнуть, а четко понять, что еще не время, надо накопить силы, уйти в подполье, выиграть время. Не мельтешишь, не размениваться на мелочи, не терять время на оправдания, на борьбу с оппонентами. Делать дело, служить делу истово, неистово добираться до положительного результата...»

На следующий же день покинула институт. Временное «жилье» помог найти Лужков, близкий и преданный друг Славы. Скоро закончится ремонт и реставрация здания нашей клиники, которое тоже подобрал наш мэр, он же председатель попечительского совета фонда.

Планируем бесплатно лечить и оперировать детей из неблагополучных, неимущих семей, из интернатов и детдомов для слепых и слабовидящих, остальных за деньги. У меня есть единомышленники и друзья. Благодаря всем им Фонд Федорова живет и действует.

Мы взяли шефство над слепыми и слабовидящими детьми одного из интернатов Москвы, вылечили и оперировали нескольких ребят из Чечни, учредили премию Федорова для тех врачей, кто внедряет его технологию, организуем бесплатные концерты для неимущих детей... Всего не перечислить.

Но один пункт нашей программы хочу выделить особо: каждый год в день рождения Федорова, 8 августа, во всех странах, во всех больницах, где работают его ученики, делаются бесплатные операции и консультации. В прошлом году одна женщина, которую готовили в тот день к операции в Санкт-Петербурге у профессора Тамаза Мчедлидзе, низко поклонилась портрету Святослава Николаевича и сказала: «Спасибо тебе, родной, что ты даже оттуда помогаешь нам здесь!...»

Беседовала
Елена ВАСИЛЬКОВА